

ные фашисты держали себя высокомерно, и мне не раз приходилось обрывать их грубым словом».

Своего противника Василий Никитич предпочитает называть словом «фашисты», слишком много горя принес захватчик на нашу землю. Оно коснулось и В.Н. Белановского, он потерял почти всех своих родных: на Ленинградском фронте в 1941 г. погиб брат, в блокадном Ленинграде умерли его младший сын и сестра, в эвакуации умерла мать.

Отмечает В.Н. Белановский и профессиональную сторону работы лекторов Политуправления: «Мне думается, стоит отметить неоднократные семинары политработников Ленинградского фронта, проходившие в Доме офицеров (в 1942–1943 гг. под руководством генерала Фомиченко, позднее полковника Калмыкова). Здесь работники Политуправления выступали с актуальными темами (вопросы военно-политического положения страны, международных отношений, в частности о втором фронте), обменивались опытом работы в период военных операций. Участникам семинаров выдавалась соответствующая литература, брошюры работников Политуправления». Упомянутые в воспоминаниях генерал-майор И.Я. Фомиченко и полковник В.А. Калмыков в разное время были зам. начальника Политуправления Ленинградским фронтом. Автором одной из брошюр 1944 г. был и майор В.Н. Белановский.

После снятия блокады Ленинграда в январе 1944 г. военные действия переместились на другие территории: «Весной 1944 участвовал в подготовке нашего наступления в Эстонии (река Нарова), в июле того же года в боях за Выборг. Осталась в памяти огромная оснащенность наших войск, отвага воинов и офицеров, прорвавших линию Маннергейма».

После выхода Финляндии из войны подполковник В.Н. Белановский был включен в состав контрольной комиссии, о чем упоминает в своих воспоминаниях: «Во время войны дважды был в Хельсинки в союзной

контрольной комиссии. Приятно вспомнить, как финский рабочий приветствовал меня, подполковника, словами на ломаном русском языке – «Стравствуй товарищ». В то время сказать это приветствие было делом нелегким».

За участие в боевых действиях во время войны В.Н. Белановский был награжден следующими наградами: орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени, медалями «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией».

Война оказалась одной из ярких страниц для участников тех событий, наверно, поэтому В.Н. Белановский неоднократно делал краткие записи своих военных воспоминаний, часто выступая с ними перед молодежной аудиторией. О яркости воспоминаний говорится в письме от 22 июля 1968 г. к нему зав. кафедрой Новой истории, возглавлявшего ее в довоенные и послевоенные годы А.И. Молока: «Дорогой Василий Никитич! ...Ваше письмо взволновало меня и воскресило передо мной те далекие годы, когда мы вместе с Вами работали в Ленинграде, на кафедре ЛГУ. Это были хорошие годы, и я часто вспоминаю о них — особенно о встречах с Вами накануне и во время Великой Отечественной войны. Вспоминаю о том, как Вы дали мне рекомендацию для вступления в партию, как мы встречались с Вами на Ленинских курсах в б. Маринском дворце и в Доме политактива на Мойке. Вспоминаю о том, как Вы защитили диссертацию по истории международных отношений (это было в первые дни войны). И о многом-многом другом. Да, Вы правы: многое пришлось пережить нашему поколению (мы с Вами почти ровесники: я родился 24 октября 1898 г.)».

В 1946 г. В.Н. Белановский демобилизовался в звании подполковника, вернулся на кафедру Новой и Новейшей истории истории, где преподавал в качестве доцента несколько десятилетий. Диплом кандидата наук по защищенной им 25 июня 1941 г. диссертации он получил только в 1947 г.

¹ Весь Петроград на 1916 год. Отдел Ш. Алфавитный указатель жителей. Пг., 1916. С. 94.

² Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Энциклопедия. М., 1985. С. 438–439.

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ПЕТРОВ

аспирант кафедры Новейшей истории России исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)

Тел.: (812) 312-12-70; E-mail: ivanpet1990@hotmail.com

В статье исследуется судьба известного эмигрантского историка Белого движения и истории России XX столетия, политического и общественного деятеля, яркого антикоммуниста Н.Н. Рутченко-Рутыча. По его воспоминаниям воссозданы быт, повседневная жизнь, а главное, чаяния и надежды студентов той поры, прежде всего их политические предпочтения, отношение к политике советских властей, репрессиям, перестановкам в университете, преподавателям и преподаваемым дисциплинам.

Ключевые слова: история Санкт-Петербургского университета, 1930-е гг., Н.Н. Рутченко-Рутыч.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ЛГУ 1930-х гг. В ВОСПОМИНАНИЯХ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА РУТЧЕНКО-РУТЫЧА (Памяти Н.Н. Рутченко-Рутыча 04.1916–04.05. 2013 гг.)

Судьба Николая Николаевича Рутченко-Рутыча, выпускника исторического факультета ЛГУ, а впоследствии эмигранта, историка и общественного деятеля, с одной стороны, уникальна, с другой – является собой типичную биографию представителя второй волны русской эмиграции со всеми ее противоречиями, сложностями и проблемами. Н.Н. Рутченко-Рутыч известен прежде всего как один из лучших эмигрантских историков Белого движения и специалист по политическому устройству СССР, автор многих исторических работ¹, активный участник антибольшевистской борьбы. Некоторые периоды жизни Николая Николаевича до сих пор остаются «белыми пятнами», судить о которых, даже по прошествии 70 и более лет очень сложно. Многие из них заново открылись для исследователей, после того как в прошлом году

в издательстве «Русский путь» вышли его воспоминания под заглавием «Средь земных тревог...», охватывающие жизненный путь Н.Н. Рутченко-Рутыча до 1946 г.² Особое место в них он уделяет своей учебе на историческом факультете Ленинградского государственного университета в довоенное время, воссоздав тем самым не только свою биографию, но и целую эпоху в истории нашего факультета, оживив образы многих ушедших великих ученых, дав при этом оценку тех сложных и противоречивых лет в жизни петербургской исторической школы.

Следует отметить, что свои мемуары Николаевич посвятил университетским друзьям, многие из которых погибли в 1939–1945 гг. Он пишет, что с самого раннего детства интересовался историей, однако особенно большое впечатление на него произвела совместная поездка

со своим дядей Петром Петровичем Лашкаревым осенью 1932 г. в Новгород. Помимо осмотра новгородских храмов (многие из них уже были отобраны у Церкви властями), они посетили Волотов и Ковалев, а также частично уничтоженные «пушкинские места» Северо-Запада. Именно после этой поездки Николай Николаевич определился не только с тем, что будет заниматься историей, но и с тем периодом российской истории, которым он займется. На его счастье, через два года историю «легализовали», возвратив преподавание истории в школах и университетах страны. Возродилось преподавание истории и в ЛГУ. До поступления на факультет Рутченко учился на рабфаке при университете, совмещая учебу с должностью рабочего модельщика при Музее революции. Впоследствии он считал, что, несмотря на напряженность и загруженность, именно благодаря одновременной учебе и работе ему удалось выдерживать вступительные экзамены, хотя по слухам новый факультет предполагалось «собрать» из среды партийного и комсомольского актива³. После поступления Рутченко находит среди преподавательского состава своих учителей и друзей, многие из которых, как и он, происходили из «бывших» и не питали к советской власти «светлых» чувств (во всем описании университетских лет Рутченко-Рутыч упоминает около 20 преподавателей факультета). Особые отношения сложились у студента Николая Рутченко с шестидесятилетним военруком университета Евгением Дмитриевичем Филаретовым, бывшим полковником Русской армии, большим специалистом в российской и мировой военной истории. При личных беседах он знакомил Николая Николаевича с важнейшими сражениями и войнами, дополняя зачастую неполные, а иногда ангажированные лекции факультетских преподавателей. Ярко иллюстрирует этот процесс описанный Рутченко пример с одним из основных советских специалистов по истории Древней Греции и Древнего Рима Сергеем Ивановичем Ковалевым, который недостаточно подробно объяснил на одной из первых лекций особенности битвы у Канн в 126 г. до н.э., что было существенно дополнено Филаретовым, который не только полно описал сражение древней истории, но и сравнил его с окружением 2-й русской армии генерала Самсонова в Восточной Пруссии в сентябре 1914 г. Хорошие отношения сложились у Н.Н. Рутченко и с Борисом Дмитриевичем Грековым, в то время заведующим кафедрой истории СССР. Особенно тепло он вспоминает семинары Грекова, на которых надо было сначала ознакомиться с источниками того или иного периода русской истории, а потом уж приступать к изучению хода событий⁴. Помимо доброжелательности, мемуарист отмечает и его требовательность: каждый семинар заканчивался основательным домашним заданием. Параллельно с этим Николай Николаевич всерьез увлекается историей новгородского боярства XV в., особое внимание сфокусировав на биографии посадника Луки Федоровича. Старания молодого ученого не прошли даром и были оценены Б.Д. Грековым, который, помимо устной похвалы, направил Рутченко к заведующему Библиотекой Академии наук Николаю Сергеевичу Чаеву. Помимо этого знакомства, также по наставлению Грекова, Рутченко консультировался по поводу наличия имен новгородских бояр в Рижской долговой книге у известного историка Ивана Михайловича Гревса, разменявшего в те годы уже седьмой десяток. Подобные консультации между молодым историком и маститым Б.Д. Грековым продолжались еще долго, а экзамен у Грекова по истории СССР на первом курсе носил, судя по воспоминаниям, «характер личной дружеской беседы». Одновременно он вспоминает и тот факт, что в своих работах и лекциях Греков часто цитировал Энгельса, к примеру касаясь его теории «территориальной общины» и «общинного строя», хотя с пониманием впоследствии относился к его линии поведения в столь сложное для крупного ученого время: «...Став уже при нас в 1937 г. директором Института истории Академии наук, а во время войны и депутатом Верховного Совета СССР, он в своем посмертном издании "Киевская Русь" (1953), цитируя не только Энгельса, Ленина, но и Сталина, все же стоял на позиции тех данных, которые предоставляли ему наши древнейшие источники»⁵.

Особые впечатления оставил у Николая Николаевича Рутченко-Рутыча и курс лекций по истории СССР, который читал один из последних учеников С.Ф. Платонова, а после войны эмигрант и антибольшевистский общественный деятель Николай Иванович Ульянов. Автора он порадовал своим «отвержением догм» школы М.Н. Покровского, а также других мифов об истории России XVIII в., в частности о недостойных нравах при дворе Петра I и Екатерины I, ошибках основателя Санкт-Петербурга при строительстве русской регулярной армии или политике Потемкина по строительству городов на Юге Российской империи. Вот как Рутченко в целом описывал лекции Н.И. Ульянова: «...Это талантливое, страстное вторжение национально-государственного восприятия истории, озвученного в те времена, вызывало у многих из нас удивление и восхищение мужеством ученого. Особенно на фоне марксистско-ленинского доктринерства других профессоров, хотя во многом вынужденного на лекциях об истории России конца XIX – начала XX в.»⁶. Более тесное знакомство Рутченко-Рутыча и Ульянова произойдет уже в послевоенные годы в эмиграции (в 1936 г. Николай Иванович будет арестован властями).

Но некоторых других историков, преподававших тогда на факультете, Николай Николаевич не вспоминает с такой же теплотой и участием. Так, например, Семен Бенцианович Окунь, согласно его воспоминаниям, блекнет после Н.И. Ульянова: в своих лекциях он занимался только пересказом «расширенного учебника истории Павла I» с отступлениями из работ об этом императоре Н.К. Шильдера, без заострения внимания на многих видных деятелях рубежа XVIII–XIX столетий, в том числе на А.В. Суворове. Не столь восторженно, как об Ульянове и Грекове, вспоминает Николай Николаевич и о Владими́ре Васильевиче Мавродине, отмечая, что он был известен своим добродушием на экзаменах, а также обладал большим диапазоном научных интересов «начиная с Тьмутараканского камня у Керченского пролива вплоть до восстания Пугачева», давая все же ему не совсем лестную характеристику: «Неплохой преподаватель, однако и не исследователь, он был, видимо, хорошим администратором. В тяжелые военные и послевоенные годы (с 1940 по 1943 год и с 1944 по 1971) он, став доктором, был деканом исторического факультета»⁷. Еще больше Рутченко критикует лекции профессора В.П. Викторова, который, судя по его воспоминаниям, осудил ведение императорскими властями Крымской войны и, ничего не рассказав о Великих реформах, перешел к описанию истории народнического движения, остановившись на Желябове и Гриневицком. Наконец, также Николай Рутченко упомянул о лекциях известного специалиста по истории русских революций и Гражданской войны Николая Арсеньевича Корнатовского. В частности, он вспоминал о подробном описании историком наступления в 1919 г. Юденича на Петроград, а также о восстании на форте Красная Горка, в то же время подчеркивая, что о многом Корнатовский умалчивал.

Нескольких преподавателей он подвергает разгромной критике. Возвращаясь, в частности, к лекциям С.И. Ковалева, Николай Николаевич усиливает свою критику, говоря, что тот рассматривал историю Древней Греции и Древнего Рима только через классовую борьбу, необоснованно, к примеру, заостряя слишком много внимания на восстании Спартака или приобретении рабов в Римской империи. Многие спорные вопросы истории античности, согласно Рутченко, Ковалев сознательно обходил, игнорируя также исследования иностранных специалистов. В то же время проходящие на 1-м курсе лекции ученика Б.А. Тураева Василия Васильевича Струве Рутченко оценивает очень высоко, отмечая, что Струве был знаком со многими древними восточными языками, к тому же являлся отличным лектором, большим эрудитом, сохраняя общительность и доброжелательность по отношению к студентам. Особенно заметно хорошее отношение к Струве со стороны Николая Николаевича, когда он, уже ярый антикоммунист, в своих воспоминаниях «прощает» востоковеду его ссылки на формации марксизма-ленинизма и членство в Ленинградском

городском Совете трудящихся. Оставил Рутченко описание и лекций по истории Средних веков Осипа Львовича Вайнштейна, который читал этот обширный курс (с V до XVIII в.) вместо уже опальных тогда И.М. Гревса и известного византиста и специалиста по церковному праву Владимира Николаевича Бенешевича (в 1938 г. он будет расстрелян). Несмотря на это, Рутченко отмечал, что Вайнштейн относился к нему особо, экзамен прошел, как и в случае с Б.Д. Грековым, в дружеской обстановке, а на старших курсах, когда Рутченко принес Вайнштейну свою книгу «Тюрени» (об истории ее создания мы еще скажем), Осип Львович поблагодарил Николая Николаевича и выразил уверенность, что будущая дипломная работа может быть с успехом защищена по кафедре истории Средних веков. Однако больше всего места в воспоминаниях Н.Н. Рутченко уделено Михаилу Дмитриевичу Приселкову и Евгению Викторовичу Тарле. Первого Н.Н. Рутченко сразу же характеризует как ученика и преемника А. А. Шахматова и ведущего специалиста в СССР по летописанию в те времена. К тому времени Приселков, переживший не один арест, выглядел усталым и даже больным, хотя был расположен к студентам и всегда был готов помочь им своим участием. Тарле же автор воспоминаний посвятил целую главу воспоминаний: «Академик Е.В. Тарле и первые признаки амальгамы». В описании Рутченко-Рутыча у него нет ни одной отрицательной черты, причем как во внешности – судя по воспоминаниям, он выглядел моложе своего седьмого десятка, так и по преподавательским качествам: он обладал блистательным ораторским талантом, в то же время вел себя со студентами легко и непринужденно, часто беседуя с ними после лекций. Особо отмечает Н.Н. Рутченко-Рутыч творческий анализ Евгения Викторовича и громадный спектр его научных интересов. На всю жизнь запомнились Рутченко «нарисованные» академиком Тарле исторические портреты Александра I и Наполеона, Талейрана и Людовика XVIII, многих других героев лекций великого историка. Самой главной заслугой Тарле Рутченко считал «возращение патристического, национально-государственного» отношения к истории России, к войне 1812 г. и даже к наиболее раскритикованной школой Покровского Первой мировой войне, в развязывании которой до Тарле в большинстве своем обвиняли Россию. Впоследствии, уже находясь в эмиграции и переосмысливая многое пережитое, Рутченко-Рутыч отмечал влияние «сталинского нового курса» в годы войны на население СССР, в частности считая, что помимо показного обращения к православию свою роль сыграло и переосмысление собственной истории, отказ от повальной критики своего прошлого, начало чему было положено еще в предвоенные годы, в частности в лекциях Тарле⁸. Заканчивает описание своего отношения к Тарле Рутченко описанием экзаменов у знаменитого академика, которые прошли в дружеской обстановке (в частности, упомянуто, что на государственном экзамене он листал «Тюрени»).

Помимо рассказа о преподавателях и лекционных курсах, в описании жизни исторического факультета в те годы у Рутченко-Рутыча можно найти еще три узловых момента: рассказ о быте ленинградских студентов тех лет, их чаяниях и политических воззрениях; описание жизни «бывших людей», так или иначе подвергаемых репрессиям со стороны советского государства, в том числе и их детей, к которым относился и Рутченко; проблема тревожного ожидания будущего, ожидания войны, с фронтов которой не всем суждено будет вернуться.

Прежде всего нельзя опустить биографии университетских друзей Николая Рутченко, которые отображают всю сложность той эпохи. Сначала, согласно воспоминаниям, он познакомился с Николаем Семиным, с которым они вместе посещали семинар академика Грекова, а затем профессора Приселкова. Как позже вспоминал Николай Николаевич, у них было много общего: оба они были сыновьями репрессированных отцов – так, отец Рутченко, Николай Алексеевич, был офицером-дроздовцем, участником Великой и Гражданской войн, который был расстрелян в Крыму в 1920 г., отец же Николая Семина был кадровым военным, который сгинул в 1930 г. в разгар кампании против военспецов в

рамках спецоперации «Весна». Оба начинающих историка сходились в оценке дореволюционной России, особенно периода столыпинских реформ. Очень скоро к двум Николаям присоединился и родственник Рутченко студент ленинградского Политеха Андриан Остроградский. Чуть позже в их неформальный кружок влился Иван Шалденков, выходец из семьи настоятеля одного из Выборгских храмов, который, несмотря на свои антисоветские взгляды, был изгнан во время Гражданской войны финскими националистами-егерями из своего родного города и в поселился в Луге, где служил до закрытия храма в 1930 г., после чего занял место счетовода в местном колхозе. Выросший в среде крестьян, Шалденков тем не менее был антибольшевиком, всегда принимающим участие во всех диспутах своих друзей. Интересно и описание знакомства Шалденкова и Рутченко, которое произошло после встречи в букинистическом магазине на Литейном и декламации стихов Блока в соседней рюмочной. Именно Шалденков включил в круг друзей еще одного участника, Михаила Бельденкова, сына зажиточного крестьянина, унтер-офицера из Воронежской губернии и донской казачки. У Бельденкова тоже не было причин «любить» советский строй, так как его отец был выслан специальным эшеленом в Сибирь, семейное имущество было конфисковано, а он с матерью был вынужден бежать в ее родную донскую станицу. Разными, в том числе не совсем законными путями Михаилу удается перебраться в Ленинград, где он устроился на работу грузчиком в порт. Благодаря этой изнурительной работе ему удается поступить на рабфак, а затем на истфак ЛГУ. Несмотря на крестьянское происхождение, Бельденков был самым ярким антисоветчиком в складывающемся дружеском кружке, всегда интересовался Белым движением и сопротивлением большевистской власти. В ходе неформальных встреч у кого-нибудь на квартире часто обсуждались проблемы государственного устройства страны, возможности сопротивления большевикам и текущие проблемы советской и мировой политики. Ярким примером в этой связи может стать обсуждение отношения Адольфа Гитлера к европейской политике, и особенно к России. В частности, впервые упоминание об отношении к политике Гитлера встречается в контексте речи фюрера по поводу германо-австрийского аншлюса. В этой же речи был поднят вопрос и о так называемом «восточном пространстве», идеи о котором шли вразрез с устремлениями большинства русских патриотов-антибольшевиков. Вот что Рутченко вспоминал о своем отношении к гитлеровским идеям в студенческие годы: «Стало ясно, что он не собирается освобождать Россию от коммунизма, но отбросить коммунистическое государство куда-то дальше на восток, заняв освобожденные земли для немецкой колонизации. В этом плане было также очевидно, что он не собирается воспользоваться еще оставшимися силами эмиграции...»⁹ Очень скоро друзья собрались для того, чтобы обсудить не только речь фюрера, но и свое поведение в ходе предстоящего военного противостояния. В ходе жаркого обсуждения мнения друзей разделились: один надеялся на изменение государственной политики, другой считал, что следует с началом войны занять выжидательную позицию, третий не мог простить большевикам репрессий и надеялся на привлечение немцами «белогвардейских организаций» и о возможном свержении с их помощью советской власти.

Тот факт, что часть советской интеллигенции и студенчества была настроена антисоветски и с нетерпением ждала падения ненавистного им режима, является безусловным. Для примера можно взять воспоминания других выпускников ЛГУ, в особенности из среды будущих эмигрантов второй волны, большинство из которых так или иначе имело контакты с немецкими оккупационными органами власти в годы войны. Одним из основных, ставшим практически хрестоматийным, является пример выпускницы матмеха Веры Александровны Пирожковой, ставшей после войны профессором политологии в университете Мюнхена. Согласно ее воспоминаниям, еще в годы своего обучения в университете она была критически настроена по отношению к советской власти, как и часть ее подруг.

Вот как Пирожкова впоследствии характеризовала политические взгляды своих однокурсников, считая при этом истфак самым идеологизированным факультетом: «Наш курс был политически, по меньшей мере, не слишком активным. Приблизительно 50% были вне комсомола. В то время как на историческом факультете только 10% было вне комсомола: идеологический факультет. У нас же многие спасались от идеологической лжи...»¹⁰ Тут же она отмечала некий «идеологический нейтралитет» своих подруг, которые пытались уйти от идеологии с помощью обращения к литературе или же полностью погрузившись в точные науки, наиболее свободные от идеологического давления. Также Пирожкова замечает, что она часто высказывала подругам свои антисоветские взгляды, опасаясь в то же время как-либо продемонстрировать их в более широкой аудитории, хотя в то время студенты выработали своего рода навык определения «политических воззрений» сокурсников: «Среди студентов мы вообще очень хорошо чувствовали, кто чем дышит, не нужны были длинные разговоры для того, чтобы мы видели, кто из нас настроен против власти и против идеологии»¹¹. Как и Н.Н. Рутченко, она вспоминает что наиболее политизированные лекции воспринимались большинством студентов отрицательно, в особенности ей запомнилась лекция о коммунистической морали, в ходе обсуждения которой выяснилось, что большая часть студентов вообще не видит смысла своей жизни. Особо отметим, что и те бывшие студенты ЛГУ, которые стали в Советском Союзе известными учеными, довольно критически оценивают многие идеологические предметы. Хорошим примером в этой связи может послужить дневник известного специалиста по средневековой истории Аркадия Георгиевича Манькова, также учившегося в 1930-е гг. на историческом факультете. Вот как он оценивал введение новых предметов: «Идиотское положение. На курсах ввели новый предмет – “XVII партсъезд”. Сейчас готовлюсь к зачету. Читаю доклад Молотова “о культурно-бытовом обслуживании трудящихся во II пятилетку”, а еще до сих пор лежат непрочитанными “Бесы” и “Идиот” Достоевского <...> После занятий сдавали зачет по XVII партсъезду (тоже предмет!). Сдал на 3. И это дало мне какое-то непонятное удовлетворение. Если бы получил 4 или 5, то пришлось бы уподобить себя нашим старательницам, которые с прилежанием зубрят все цифры о первой и второй пятилетках, дабы получить наивысшую оценку. Стоит ли на это тратить дорогое время?»¹²

Итак, можно констатировать, что некоторая часть обучающихся в те годы в ЛГУ студентов была настроена антисоветски и в той или иной степени жила ожиданием падения существующего строя. Чем это можно объяснить? Во многом свою роль здесь играло происхождение того или иного студента, зачастую, как в случае Николая Рутченко, который старался нигде не упоминать о своем расстрелянном отце, скрываемом от официальных анкет и даже сокурсников. Все они жили ожиданием возможных гонений со стороны властей, «чисток» и иных ограничений. Иногда подобные опасения были отнюдь не беспочвенными. В этой связи стоит упомянуть историю с переводом Николая Николаевича на заочное отделение факультета. «Первой ласточкой» надвигающейся бури репрессий был вызов Николая к начальнику курсов высшей вневузовской подготовки комдиву Константинову Петровичу Артемьеву. Неприятной неожиданностью

этого визита был тот факт, что комдив невзначай вспомнил, что когда-то служил с отцом Рутченко, на что тот ответил, что знает лишь, что его родитель был фельдшером. Такой уклончивый и неправдоподобный ответ ввел Артемьева в замешательство, и на этом визит был закончен, однако для семьи Рутченко подобная «встреча» была сигналом о надвигающейся опасности. Чуть позже, в январе 1937 г., Артемьев был арестован, так же как и Е.Д. Филаретов, что неминуемо могло привести к преследованию связанных с ними людей. Своего рода «спасительный сигнал» Рутченко получил от комсорга Марата, который посоветовал Николаю срочно перейти на заочный факультет, а также оперативно предоставить справку о плохом самочувствии и по возможности покинуть пределы Ленинграда. Рутченко незамедлительно отправляется к знакомому врачу из госпиталя для душевнобольных на Пряжке, который выписывает ему справку о нервном расстройстве. С помощью подруги матери он отправляется в Одессу, чем избегает надвигающейся опасности. Там Рутченко продолжал обучение с помощью самообразования и готовился к грядущим экзаменам.

Помимо периода репрессий, в воспоминаниях Н.Н. Рутченко-Рутыча об историческом факультете кроме выпускных экзаменов есть важный момент написания книги «Тюренн». Ее Рутченко и его знакомому византинисту Марку Давидовичу Тубянскому заказал Воениздат. Интересно, что Тюренна авторы избрали во многом потому, что других полководцев, особенно немецких и австрийских, уже использовали в своей пропаганде нацисты. Описание создания монографии очень красноречиво: с емкими вставками о поиске цитат из Маркса, утверждением написанного в издательстве и большом для начинающего историка гонораре.

Что касается экзаменов, то при их описании Рутченко допускает несколько фактических ошибок. Так, известного специалиста по археографии профессора Сигизмунда Натановича Валка Николай Николаевич называет «Натаном Сигизмундовичем»¹³, хотя подробно описывает экзамен у Валка и совместную работу со своим другом Семиным по заданию Валка в Государственном архиве на площади Декабристов. Остальные экзамены, за исключением экзамена у Н.А. Корнатовского, прошли для Рутченко легко и просто, особенно в свете того, что он готовил к выпуску своего «Тюренна». Вполне логично, что на описании выпускных экзаменов «университетская» часть воспоминаний заканчивается.

Как нам кажется, воспоминания Николая Николаевича Рутченко-Рутыча являют собой уникальный источник по истории университета и исторического факультета в частности. В них известный историк воссоздает атмосферу факультета тех лет, описывает все важнейшие изменения факультетской жизни середины – конца 1930-х гг., откровенно останавливается на быте и политических взглядах студентов и преподавателей тех лет. Он, большую часть своей жизни проживший вдали от Советского Союза, может рассказать о событиях того времени, не имея над собой какой-либо цензуры или марксистского идеологического давления. Следует особо отметить, что исторический факультет остался в его памяти на всю дальнейшую жизнь, что видно даже из того, что бесконечные аркады уличных галерей в Болонье впоследствии напоминали ему аркады родного факультета¹⁴.

¹ Рутченко Н.Н., Тубянский М.Д. Тюренн. М.: Воениздат, 1939. 113 с.; Рутыч Н. КПСС у власти. Очерки по истории коммунистической партии 1917–1957. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1960. 466 с.; Рутыч Н.Н. Думская монархия: Ст. разных лет. СПб.: Logos, 1993. 180 с.; Рутыч Н.Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России: (Материалы к истории Белого движения). М.: Париж: Рос. арх.: Regnum, 1997. 295 с.; Рутыч Н.Н. Белый фронт генерала Юденича: Биографии чинов Северо-Западной армии. М.: Русский путь, 2002. 502 с.

² Рутченко-Рутыч Н.Н. Среди земных тревог. Воспоминания. М.: Русский путь, 2012. 608 с.

³ Там же. С. 50.

⁴ Там же. С. 61–62.

⁵ Там же. С. 68.

⁶ Там же. С. 69.

⁷ Там же. С. 71.

⁸ Там же. С. 218.

⁹ Там же. С. 87.